

ЭО, 2010 г., № 6

© И.С. Кон

МЕНЯЮЩИЕСЯ МУЖЧИНЫ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Природа любит разнообразие.
К сожалению, общество его ненавидит.

Милтон Даймонд

Ключевые слова: гендерный порядок, маскулинность, мужское здоровье, гегемонная маскулинность, мальчишество

Статья обобщает социально-философские результаты исследований автора, представленных в книгах “Мужчина в меняющемся мире” и “Мальчик – отец мужчины”. По мнению автора, происходящая в современном мире ломка гендерного порядка, которую часто называют кризисом маскулинности, не является исторической катастрофой и не может быть описана в терминах “феминизации мужчин” и/или “маскулинизации женщин”. При сохранении базовых, обусловленных половым диморфизмом, половых различий, в мире идет закономерный процесс ослабления традиционной гендерной поляризации, который затрагивает как нормативные представления и фактическое разделение социальных ролей и функций, так и связанные с ними индивидуально-психологические черты и способности. Это ставит мужчин и женщин перед серьезными новыми вызовами и способствует их личностной индивидуализации. Особенно много проблем возникает в процессе развития и социализации мальчиков.

Что происходит с мужчинами в современном мире, в котором они утрачивают свой господствующий статус? “Кризис маскулинности” как глобальную проблему обсуждают все науки о человеке и обществе, начиная с физической антропологии и эволюционной биологии и кончая гендерными исследованиями. Но у разных дисциплин нет общего языка, зачастую они просто игнорируют друг друга. Междисциплинарный диалог начинается с прояснения исходных вопросов, так сказать, “на пальцах”. В этой статье я хочу, без сносок и полемики, пользуясь минимумом специально-научных терминов и не претендуя на оригинальность, суммировать выводы двух своих последних книг¹.

Мужское и/или женское

Едва ли не во всех языках, мифологиях и культурах понятия “мужского” и “женского” выступают одновременно как взаимоисключающие противоположности – “мужское” или “женское” – и как взаимопроникающие начала, носители которых обладают разными степенями “мужеженственности”. При этом мужскому началу, как правило, приписывается более высокий и положительный статус. В некоторых языках родовое понятие “человек” обозначается тем же словом, что и “мужчина” (английское man). Мужчин чаще описывают в терминах трудовой и общественной деятельности, а женщин – в семейно-родственных терминах, эта избирательность предопределяет на-

Игорь Семенович Кон – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

правленность нашего внимания. Эта логика сохраняется в психологических теориях и тестах маскулинности (“мужчинности”) и фемининности (“женственности”)². Сначала маскулинные и фемининные свойства казались взаимоисключающими, затем представили в виде континуума, потом выяснилось, что они многомерны и у разных индивидов, в зависимости как от природных, так и от социальных факторов, могут сочетаться по-разному. Разговоры об “истинной мужественности” и “вечной женственности” только запутывают вопрос, навязывая нам единообразие, которого история никогда не знала.

Можно ли сомневаться в том, что Кармен – “настоящая” женщина? Но вы можете представить ее верной супругой и добродетельной матерью? А многодетная мать, вырастившая десятерых детей, насколько она реализовала свои чувственные потенции? Или святая мать Тереза, которая стала воплощением доброты и заботы? То же самое можно проиллюстрировать на мужских образах. Любой нормативный канон высвечивает лишь какую-то грань социально желаемого, не говоря уже о безграничной индивидуальной вариативности.

В биологически ориентированной науке различия мужского и женского первоначально считались универсальными и выводились из полового диморфизма. В этом есть своя логика. Если у всех биологических видов половой диморфизм так или иначе проявляется в социальном поведении, homo sapiens не может быть исключением. Однако необходимо учитывать *степень* этих различий, а также разграничивать индивидуальные свойства и нормативные требования культуры (“настоящий мужчина” и “настоящая женщина”). Многие особенности социального поведения и психики мужчин и женщин, как и общественное разделение труда между ними, исторически изменчивы и могут быть поняты только в определенной системе общественных отношений. В связи с этим биологическое понятие “пол” было дополнено социологическими понятиями “гендер” и “гендерный порядок”, которые подразумевают социальные, исторически сложившиеся отношения между мужчинами и женщинами и соответствующие нормативные представления и стереотипы. Гендерные исследования занимаются прежде всего такими явлениями, как общественное разделение труда, властные отношения, характер общения между мужчинами и женщинами, гендерный символизм и социализация мальчиков и девочек. Что меняется в них сегодня?

Ослабление гендерной поляризации

В доиндустриальном и индустриальном обществе рамки соперничества мужчин и женщин были жестко социально фиксированы. Мужчины и женщины должны были “покорять” и “завоевывать” друг друга, используя для этого веками отработанные гендерно-специфические приемы и методы, но крайне редко конкурировали друг с другом на макросоциальном уровне. Соперником мужчины был другой мужчина, а соперницей женщины – другая женщина. Великосветские львицы балзаковской эпохи были не менее энергичны, властолюбивы и жестоки, чем их мужья и любовники. Но в тех исторических условиях женщина могла сделать общественно-политическую карьеру только опосредованно, подыскав соответствующего мужа, а если она ростом (или происхождением) не вышла, организовав своими, специфически женскими средствами, включая обольщение всех его начальников, социальное продвижение своего избранника. Сегодня эти ограничения отпали. Женщина может сама, без посредства мужчины, добиться высокого социального статуса, и это существенно меняет мотивацию и характер взаимоотношений мужчин и женщин при тех же самых природных задатках.

Современные мужчины и женщины открыто и жестко конкурируют друг с другом в широком спектре общественных отношений и деятельностей. В сфере трудовой деятельности происходит постепенное разрушение традиционной системы гендерного разделения труда, ослабление дихотомизации и поляризации мужских и женских

социально-производственных ролей, занятий и сфер деятельности. Женщины сравниваются с мужчинами и даже опережают их по уровню образования, от которого во многом зависит профессиональная карьера и социальные возможности. Мужчины утрачивают монополию на политическую власть. В том же направлении, хотя с большим хронологическим отставанием и множеством этнокультурных вариаций, развиваются брачно-семейные отношения. В современном браке гораздо больше равенства, “справедливое распределение домашних обязанностей” становится одним из важнейших условий семейного благополучия. Психологизация и интимизация супружеских и родительских отношений, с акцентом на взаимопонимание, несовместимы с жесткой дихотомизацией мужского и женского. Существенно изменился и характер социализации детей. Всеобщее школьное обучение, без которого невозможно подготовить детей к предстоящей им сложной общественно-трудовой деятельности, повышает степень влияния общества сверстников, а совместное обучение по общим программам подрывает гендерную сегрегацию и делает привычные представления о гендерных различиях способностей и интересов проблематичными.

Изменения в содержании и структуре гендерных ролей преломляются в социокультурных стереотипах, представлениях мужчин и женщин друг о друге и о самих себе. Хотя массовому сознанию нормативные мужские и женские свойства часто по-прежнему кажутся альтернативными и взаимодополнительными, принцип “или/или” уже не является безраздельно господствующим. Многие социально-значимые черты и свойства считаются гендерно-нейтральными или допускающими существенные социально-групповые и индивидуальные вариации.

В глобальной эволюционной перспективе гендерная деполаризация связана с уменьшением требований к мужской физической силе в добычании пищи и повседневной защите семьи, но фактически процесс гораздо сложнее и многограннее. Его темпы и глубина крайне неравномерны а) в разных странах, б) в разных социально-экономических слоях; в) в разных социально-возрастных группах; г) среди разных типов мужчин и женщин.

Как эти перемены сказываются на индивидуально-личностных свойствах мужчин и женщин? В быденном сознании, а отчасти и в науке, эти процессы часто описываются негативно, в терминах “феминизации мужчин” и/или “маскулинизации женщин”. Привести примеры того или другого не составляет труда, но никакой доказательной силы они не имеют. Ослабление гендерной поляризации не отменяет полового диморфизма и не устраняет половых и гендерных различий, особенно в такой чувствительной области, как соотношение общественно-производственных и семейных функций. Отчасти эти различия коренятся в биологии (материнский родительский вклад выше отцовского, требует больших усилий и временных затрат, если женщины от этих функций откажутся, человечество вымрет), отчасти – в унаследованных от прошлого соционормативных ограничениях, отчасти – в привычных стереотипах массового сознания. Однако ведущими процессами стали *индивидуализация* и *плюрализация*, позволяющие людям выбирать стиль жизни и род занятий более или менее безотносительно к их половой принадлежности, в соответствии с привычными нормативными предписаниями или вопреки им.

По мере развития научной психологии (особенно важны популяционные и кросс-культурные исследования, лонгитюды и метаанализы) в сфере нейрофизиологии, когнитивных процессах, эмоциональности, направленности интересов, агрессивности и соревновательности, любви к новизне и риску, сексуальности и т.п. выявляется все больше половых различий. Однако эти различия а) зачастую статистически невелики, б) их влияние на социальное поведение проблематично и опосредовано; в) их формирование и проявление зависят не только от нашего эволюционного наследия, но и от социокультурных условий и характера жизнедеятельности индивида; г) индивидуальные различия, как правило, больше, чем групповые различия между полами.

Иными словами, сближение характера жизнедеятельности мужчин и женщин не отменяет природных различий между ними, но делает поляризацию их психических черт и способностей, по принципу или/или, значительно более проблематичной, чем когда-либо раньше.

Ломка традиционного гендерного порядка порождает многочисленные социальные и психологические проблемы, причем мужчины и женщины испытывают давление в противоположных направлениях. Вовлеченные в общественное производство и политику женщины вынуждены развивать необходимые для конкурентной борьбы “мужские” качества (настойчивость, энергию, силу воли), а мужчины, которые уже не могут опираться главным образом на власть и силу, вырабатывать традиционные “женские” качества – способность к компромиссу, эмпатию, умение ставить себя на место другого. Ничего сверхестественного в этом нет, то же самое происходит в сфере межнациональных и межгосударственных отношений, где принцип господства и подчинения постепенно уступает место отношениям осознанной взаимозависимости, но на почве нормативной неопределенности часто возникают конфликты.

Кризис маскулинности

Поскольку движущей силой происходящих перемен являются женщины, сдвиги в их социальном положении, жизнедеятельности, уровне притязаний и самосознании опережают соответствующие изменения в поведении и психике мужчин. Некоторые мужчины воспринимают эти перемены тревожно или агрессивно, в духе от воинствующего традиционализма и моральной паники. Однако эти реакции, как и сами мужчины, неодинаковы, варьируя в зависимости от социально-групповых и индивидуально-личностных особенностей субъектов.

Нормативный канон маскулинности, представляющий “настоящего мужчину” нескрушимым монолитом, имманентно противоречив. Мужчина противопоставляется женщине, с одной стороны, как воплощение сексуальной силы (фаллоцентризм), а с другой – как воплощение разума (логоцентризм). Однако эти начала противоречат друг другу и нередко персонализируются в разных культах и идеальных типах (Дионис и Аполлон). Кроме того, подразумеваемые свойства “идеального мужчины” всегда так или иначе соотносятся с исторически конкретными социальными идентичностями (воин, жрец, охотник, землепашец и т.п.). Наряду с общими транскультурными чертами, каждое общество имеет альтернативные образы маскулинности.

В современном обществе это выступает особенно наглядно. Изучая взаимоотношения старшеклассников, австралийский социолог Рейвин Коннелл нашла, что у них существует не одна, а несколько разных иерархических систем, каждой из которых соответствует свой собственный канон маскулинности, причем гендерные отношения тесно переплетаются с социально-классовыми. Это верно и для взрослых мужчин. Единого, универсального образа маскулинности не существует, нужно говорить не о маскулинности, а о “маскулинностях”. Не только разные культуры и периоды истории конструируют гендер по-разному, но даже в одной и той же микросреде существуют разные пути “разыгрывания” маскулинности, того, как стать и остаться мужчиной.

Самая популярная, бросающаяся в глаза “гегемонная”, властная маскулинность характеризует мужчин, стоящих на вершине гендерной иерархии. *Гегемонная маскулинность* – не свойство отдельных мужских особей, а публичное лицо мужской власти, определение того, что значит быть “настоящим мужчиной”. Она создается и реализуется только в отношениях с женщинами и другими, менее престижными маскулинностями, причем эта гегемония основана не только на насилии, но и на признании. Не все мужчины активно пытаются или хотят соответствовать строгим стандартам, которые предполагает гегемонная маскулинность, но все они в большей или меньшей степени ориентируются на этот образец, оценивая себя и друг друга по ее критериям. Взаимодействие разных маскулинностей в системе гендерного порядка может быть

как отношениями власти, так и отношениями воспроизводства и отношениями эмоциональной привязанности.

Теория гегемонной маскулинности является философско-социологической, ее эмпирические параметры не всегда очевидны. Однако ее важнейшие требования материализуются и конкретизируются в нормах *традиционной маскулинной идеологии*, которые успешно измеряются специальным психологическим тестом (The Male Role Norms Inventory – MRNI). Это “избегание женственности” (“без бабства”); “гомофобия”; “самодостаточность” (опора на собственные силы); “агрессивность”; “достижимость” (борьба за высокий статус); “принятие безличной сексуальности” и “эмоциональная сдержанность”.

Этот нормативный канон, утверждающий радикальное отличие мужчин от женщин и право “настоящих” мужчин властвовать над женщинами и подчиненными, “ненастоящими” мужчинами, имеет глубокие биоэволюционные корни (доминирующий самец имеет репродуктивные преимущества перед слабыми и зависимыми), он присутствует в любых спонтанных мальчишеских сообществах, в которых формируется мужская идентичность. Однако в сложном и динамичном обществе и на стадии взрослости он часто оказывается социально и психологически неадекватным, дисфункциональным. “Кризис маскулинности” подразумевает не только и не столько утрату мужчинами господствующего статуса, сколько трудности адаптации к новым историческим условиям.

Эти трудности проявляются по-разному. У некоторых социально и этнически маргинализованных мужчин это так называемая *протестная маскулинность*. Стремящийся к восстановлению власти белого человека “белый супрематизм” в США и Западной Европе, исламский экстремизм Аль-Каеды, русский национал-шовинизм типа РНЕ сильно отличаются друг от друга, но все они воспринимают и подают себя как борцов за возрождение консервативного “истинно-мужского” начала, в противоположность “феминизированной”, “интеллектуализированной” и “гомосексуализированной” западной цивилизации. Среди российских мужчин, оказавшихся жертвами экономических преобразований 1990-х, потерявших работу и социальный статус, широкое распространение получила модель “несостоявшейся маскулинности”, признание своей общей мужской несостоятельности и т.д.

Помимо относительно локальных, ситуативно обусловленных проблем, современный мужчина выглядит уязвимым по целому ряду глобальных параметров. Это прежде всего, мужское здоровье, отцовство и социализация мальчиков.

Мужское здоровье

О мужском здоровье как серьезной социальной проблеме на Западе заговорили в 1970-х годах, причем не в традиционной медицине “мужских болезней”, а в социологии, в русле профеминистских гендерных исследований. Хотя врачи обсуждали особенности мужских болезней и раньше, биомедицинская модель оставляла в тени социальные причины этой специфики, сами “мужские” и “женские” качества казались однозначными и неизменными. Выходили на эту проблематику и демографы, отправляясь от повышенной смертности мужчин (так называемая мужская сверхсмертность). Сначала проблемной выглядела недостаточная маскулинность (гипомаскулинность), – мальчики, которые не сумели своевременно усвоить жесткие требования мужской роли и потому на всю жизнь остались неудачниками, лузерами. С гипермаскулинностью до поры до времени все было в порядке, мужчина-мачо выглядел воплощением здоровья и социального успеха. Но затем выяснилось, что мужские роли включают в себя противоречащие друг другу и даже явно дисфункциональные элементы (например, опора на агрессию). Оказалось, что мужчины переживают стресс не только, когда считают себя неспособными осуществить требования своей мужской роли (например, сделать

успешную карьеру или содержать семью), но и когда ситуация требует от них “немужского” поведения (например, необходимость ухаживать за маленьким ребенком).

Представление о мужчинах как о “сильном поле” находится в противоречии с низкой продолжительностью мужской жизни. Мужская сверхсмертность – не просто биологический феномен – “мавр сделал свое дело, мавр может уйти!” – но и социальная проблема. Мужчина не только зачинает детей, но и производит материальные и духовные блага, причем эта его деятельность продолжается значительно дольше, чем его репродуктивная активность. Общество обязано заботиться о поддержании мужского здоровья не только из гуманитарных соображений, но и ради собственного самосохранения.

Завышенные социальные и личные притязания (“мужчина должен быть всегда и всюду первым и главным”) и установка на силовое решение конфликтов (“настоящий мужчина всегда выступает с позиции силы”) способствуют формированию конфликтности и агрессивности, которые зачастую не соответствуют психофизиологическим особенностям и возможностям реального мужчины. Это особенно болезненно проявляется в кризисных ситуациях, которых в современном быстро меняющемся мире становится все больше. Чувство, что он не оправдывает возложенных на него надежд и ожиданий, порождает у мужчины синдром “несостоявшейся маскулинности”, может способствовать усилению депрессивных настроений, социальной апатии, склонности к суициду, выработке стратегии “выученной беспомощности” (отказ от активной борьбы с трудностями и использование своей беспомощности в качестве средства эксплуатации других) и т.д.

Большой пакет издержек для мужского здоровья обусловлен тем, что традиционная маскулинная идеология сочетает высокие социальные притязания на власть, статус, уважение и т.д. с оправданием и поэтизацией заведомо нездорового, зато “мужского” стиля жизни, включая пьянство, курение, принятие неоправданных рисков, включая вождение машины и т.д.

Социологи, психологи и врачи единодушно констатируют, что мужчины везде и всюду а) переоценивают качество своего здоровья; б) стесняются признаться в собственной слабости; в) не умеют и не любят просить о помощи. Мужчины значительно реже женщин общаются с врачом, в результате чего часто упускают время для своевременной диагностики, это одна из причин мужской сверхсмертности.

В России, которая стала едва ли не чемпионом мира по *избыточной мужской сверхсмертности*, все эти проблемы возведены в степень. Дело тут не в национальном менталитете, а в уровне культуры здоровья и личной безопасности. Для решения этих проблем нужна продуманная социальная политика, включающая социальную и психологическую подготовку мужчин к усвоению гендерных ролей и минимизацию связанных с ними социальных и психологических рисков. Заземление мужских проблем на какую-то частную медицинскую дисциплину, будь то урология или психиатрия, заведомо бесперспективно: сквозные теоретические проблемы при этом теряются, все сводится к обсуждению этиологии и лечения специфически мужских заболеваний. При всей внешней привлекательности и приемлемости для массового сознания стереотипных образов сильного мужчины-мачо они не способствуют гармоническим отношениям мужчин и женщин и усугубляют психологические трудности самих мужчин, которые все чаще обнаруживают, что их важнейшие жизненные проблемы с позиции силы не решаются. Без учета особенностей гендерного развития российское здравоохранение не станет эффективным ни при каких денежных вливаниях.

Институт отцовства

Одна из главных мужских идентичностей, которая сегодня кажется, как никогда, проблематичной, – *отцовство*. Но что значит “кризис отцовства”? Институт отцовства исторически тесно связан с отношениями власти. Чтобы прояснить эту связь, я представил ее в виде параболы.

Когда-то в мире существовала вертикаль власти. На небе был всемогущий бог, на земле – всемогущий царь, а в семье – всемогущий отец. И всюду был порядок.

Но это было давно и неправда. Именем бога спекулировали жуликоватые жрецы, именем царя правили вороватые чиновники, а отец, хоть и порол своих детей, от повседневного их воспитания уклонялся.

Потом все изменилось. Богов стало много, царя сменила республика, а отцовскую власть подорвали коварные женщины, наемные учителя и непослушные дети. И теперь мы имеем то, что мы имеем.

Многим людям кажется, что раньше было лучше, и они призывают нас вернуться в прошлое. Какое именно?

По законам эволюционной биологии, мужской родительский вклад значительно меньше женского. Традиционный канон отцовства подразумевал не столько физический уход и заботу о детях (эти занятия почти всюду считаются женскими), сколько вертикаль власти в социуме и семье. Социальное расстояние между отцом и детьми нередко поддерживалось с помощью специальных ритуалов, правил избегания и т.д. Однако важно строго различать социальный институт, нормативный канон отцовства (англ. *fatherhood*) и многообразные отцовские практики (англ. *fathering*), обусловленные индивидуальными особенностями конкретного мужчины и его микросреды.

Нормативные канон и соотношение социально-педагогических функций отца – персонификация власти, кормилец, дисциплинатор, пример для подражания и непосредственный наставник сыновей (но не дочерей) в общественно-трудовой деятельности – изменялись вместе с историческими условиями и структурой семьи. Но очень часто отцовство бывает чисто символическим. Едва ли не самый распространенный транскультурный архетип – образ *отсутствующего отца*, который всем управляет, но никаких конкретных социально-педагогических функций не выполняет.

В Новое время под влиянием ускорения темпов социального обновления и автономизации внесемейных институтов социализации властные функции отца ослабевают, а отцовские практики индивидуализируются и психологизируются. У отца становится меньше прав и больше обязанностей. Контраст между суровым нормативным каноном отцовства и отцовскими практиками наиболее образованных сословий в России XIX в. был настолько кричащим, что породил представление об имманентной слабости и несостоятельности “русских отцов”.

Постиндустриальное общество продолжило эту линию развития. Демократизация общества, вовлечение женщин во внесемейный труд, признание прав ребенка, осуждение телесных наказаний и т.п. сделали авторитарное отцовство морально и психологически неприемлемым. Во второй половине XX в. отец перестал быть единственным кормильцем семьи, зато от него ждут, чтобы он проводил с детьми больше времени, был заботлив, нежен и т.д. Многие “новые мужчины” принимают это требование, но оно плохо совместимо с социально-экономическими реалиями. Хотя в среднем современные отцы проводят со своими детьми больше времени и уделяют им больше внимания, чем в недавнем прошлом, на макросоциальном уровне эти достижения перечеркиваются ростом числа разводов и количества детей, живущих отдельно от отцов (материнские семьи, незарегистрированные сожительства и союзы и т.п.). Нестабильность брака увеличивает социальную безотцовщину, а желание отцов материально обеспечить семью уменьшает время, проводимое ими с детьми.

Тесный домашний быт не предусматривает для отца пьедестала. По мере того, как “невидимый родитель” становится видимым и более доступным, он все чаще подвергается критике со стороны жены и детей, а его авторитет, основанный на внесемейных факторах, заметно снижается. Ослабление и даже полная утрата мужской власти в семье отражается в стереотипном образе отцовской некомпетентности, который отнюдь не способствует поддержанию отцовского авторитета. К тому же от-

цов зачастую оценивают по традиционному женским критериям, по достижениям в той сфере деятельности, которой мужчины раньше не занимались и к которой их не готовили. Многие из этих вопросов не имеют простых решений и вызывают социальную озабоченность.

Нетрадиционные браки и формы семьи означают и более широкое распространение *нетрадиционных моделей отцовства*: разведенные отцы; отцы, живущие отдельно от своих семей; приемные отцы, воспитывающие неродных детей (отчимы); отцы – одиночки, воспитывающие детей без матери; отцы-геи; несовершеннолетние отцы и т.д. Раньше от этих категорий пренебрежительно отмахивались как от “неполноценных”, “ненастоящих” или маргинальных. Сейчас их признают (как можно не признавать действительность?!), внимательно изучают, стараются понять их специфические проблемы и помочь им максимально успешно воспитывать своих детей. Эволюция нормативного канона отцовства, с одной стороны, отражает, а с другой – стимулирует перемены в повседневной жизни.

Современная семейная психология оставила далеко позади наивные корреляционные исследования 1970–1980-х годов. Проблематизация социальных функций мужчины в семье дает мощный толчок изучению психологии отцовства и разработке социальной педагогике ответственного отцовства.

Традиционный канон отцовства выдвигал на первый план такие ценности как власть и суровость. В описаниях и нормативных образах родительства отцовская власть часто выступала антитезой и дополнением материнской любви. Однако реальные родительские практики в эту антитезу не вписываются. С ослаблением отцовской власти и дискредитацией поддерживавших ее телесных наказаний она стала и вовсе сомнительной.

Кросскультурные исследования показывают, что отцовская любовь и тепло – гораздо более эффективные средства воспитания детей, чем строгость и телесные наказания, физическая доступность отца значительно менее важна для ребенка, чем его тепло и сочувствие. Вообще материнское и отцовское влияние на детей не столько альтернативны, сколько кооперативны и взаимодополнительны. Исследователи социализации последовательно находят, что тепло, заботливость и близость одинаково благотворны для ребенка, независимо от того, практикует ли их отец или мать. Общий семейный контекст часто столь же важен, как индивидуальные отношения внутри семьи. Вне этого контекста обсуждать отцовское влияние на детей невозможно. К тому же отцы играют в семье множественные роли и их успех в каждой из них влияет на психологическое благополучие их детей. Как не существует одинаковых отцов, так не существует единой отцовской роли, к которой все отцы обязаны стремиться. Разные мужчины выполняют свои отцовские функции по-разному. Подобно мамам, папы всякие нужны, папы всякие важны...

Для понимания психологии отцовства, его нужно представить не только в контексте семейных отношений, но и в системе мужской *идентичности*. Вопрос “Зачем ребенку нужен отец?” превращается в вопрос “Зачем отцовство нужно мужчине?” Сколько-нибудь разработанных и эмпирически доказанных психологических теорий, систематически описывающих трансформацию отцовских переживаний на разных фазах мужского жизненного пути, я не знаю, но отдельные аспекты и стороны этого процесса изучаются активно. Прежде всего это переживания, связанные с ожиданием ребенка; непосредственное участие отца в родах; субъективная значимость общения и взаимопонимания с ребенком; ретроспективная оценка своих отцовских качеств, успехов и поражений; широкий круг вопросов, который я условно называю символическим отцовством или наставничеством. По всем этим вопросам современные мужчины существенно отличаются от прошлых, хотя здесь есть важные трансисторические и кросскультурные константы. Все это требует систематического междисциплинарного исследования.

Социализация мальчиков

“Кризис маскулинности” ярче всего проявляется в сфере социализации мальчиков. В конце XX в. человечество неожиданно обнаружило, что самым слабым звеном современного воспитания являются мальчики: они больше болеют, хуже учатся, чаще совершают преступления и рискованные поступки. Какова природа мальчишества как социокультурного явления? От чего зависят присущие или приписываемые мальчикам свойства? Каково реальное положение мальчика в современной семье, школе и социуме? Как формируются и реализуются мальчишеские представления о мужественности? Каково приходится мальчикам, которые не могут или не хотят соответствовать предлагаемому нормативному канону? Должно ли общество подстраивать всех мальчиков под единый канон маскулинности или же наши нормативные предписания могут и должны варьировать, а неоднозначность результатов не провал, а благо?

Хотя половозрастные категории в разных языках существенно различны, а этимология слова “мальчик” и близких к нему слов сложна и противоречива, в ней всегда присутствуют три оппозиции: 1) возрастная – невзрослый; 2) статусная – несамостоятельный; 3) гендерная – недевочка. Противопоставление мужского начала женскому, включая необходимость отделения мальчика от матери, первоначально обусловлено имманентными особенностями мужского развития, которых никакие социально-экономические трансформации отменить не могут. Однако гегемонная маскулинность гипертрофирует и абсолютизирует эту оппозицию. Между тем конкретные мальчики из плоти и крови всегда и всюду остаются психофизиологически разными. Чем жестче иерархическая система гендерной сегрегации, тем труднее положение детей, индивидуальность которых не соответствует нормативному канону, тем больше у них психосоциальных и психосексуальных проблем, часть которых сохраняется и на стадии взрослости. Некоторые древние общества даже создавали для таких индивидов специальные гендерные ниши, типа “третьего пола”.

При всем многообразии исторических систем и институтов социализации, мальчиков, в отличие от девочек, нигде не воспитывали только в родительской семье. Институт мальчишества, который, подобно закрытым мужским союзам, в той или иной форме существует в любом человеческом обществе, – важнейшее средство формирования мужского самосознания. В большинстве древних обществ мужская социализация была одновременно вертикальной (взрослые мужчины формируют мальчиков) и горизонтальной (общество сверстников как институт социализации и гарантия социально-возрастной автономии мальчиков).

Детская гендерная сегрегация (разделение общения и деятельности по половому признаку) и повышенная гомосоциальность (игровое и деятельностное предпочтение сверстников собственного пола) мальчиков – универсальные явления, которые имеют свои биоэволюционные предпосылки и образуют структурный каркас всякого детского сообщества. Многие современные авторы, вслед за Элинор Маккоби, называют этот феномен “двумя культурами детства”. Хотя инициируют эту сегрегацию девочки, наиболее активно и рьяно ее поддерживают мальчики. Именно в мальчишеских группах формируются и закрепляются те нормы и стереотипы, с которыми обычно ассоциируется понятие маскулинности. При всех связанных с нею социально-психологических издержках, автономия мальчишества, простирающаяся от неполной подконтрольности до полной неподконтрольности взрослым, – не проблема, подлежащая устранению, а одно из условий задачи социализации мальчиков.

В Новое время центральным институтом социализации мальчиков, потеснившим как родительскую семью, так и автономные мальчишеские сообщества, стала школа, которая сразу же стала аренной противостояния учителей и учащихся. Первые перенесли на территорию школы суровый опыт отцовской дисциплины подавления и усмирения, а вторые – не менее богатый опыт мальчишеского сопротивления и самоорганизации. В любой школе присутствуют два конфликтующих властных начала:

вертикальное (власть школьной администрации и учителей) и горизонтальное (власть ученического сообщества), причем оба эти начала могут быть как авторитарными, так и демократическими. Отдельно взятый мальчик зажат между этими двумя силами, каждая из которых в отдельности значительно сильнее его самого, как между молотом и наковальней. Но поскольку эти силы соперничают друг с другом и имеют свои внутренние противоречия (соперничество разных учителей и разных групп внутри мальчишеского сообщества), школьник может, играя на их расколованности, отстаивать свою индивидуальность и получить некоторую степень автономии.

Различия в когнитивных процессах, способностях и склонностях мальчиков и девочек в целом идут в направлении, предсказанном эволюционной психологией, и примерно те же, что у взрослых. Наиболее заметные и социально-значимые различия между мальчиками и девочками наблюдаются не в трудноопределимых “способностях” и “задатках”, а в направленности интересов и предпочитаемых занятий. Ослабление поляризации деятельности мальчиков и девочек облегчает проявление индивидуальных особенностей ребенка, независимо от его гендерной принадлежности. Тем не менее гендерные стереотипы сильно влияют на учебную мотивацию и направленность интересов, а через них – на будущую профессиональную судьбу. Психологические профили наиболее одаренных детей менее подвержены гендерной типизации и более разнообразны и индивидуальны, чем профили их “средних” соучеников, что порождает конфликты с традиционными ценностями мальчишеской субкультуры.

В сфере эмоций мальчики и девочки различаются не столько по своей реактивности, сколько тем, какие именно эмоции у них поощряются, а какие табуируются. Гегемонная маскулинность культивирует у мальчиков сильные эмоции, связанные с отношениями господства и власти (гнев, любовь к острым ощущениям) и табуирует проявление и осознание слабости, будь то страх, нежность или стыд. Одна из главных мальчишеских проблем – бедный эмоциональный словарь. В соответствии с предсказаниями эволюционной биологии, мальчики в среднем ведут себя агрессивнее девочек, что связано с определенными гормональными процессами, а также соревновательностью, борьбой за статус и место в иерархии. Проявления соревновательности зависят не столько от пола ребенка, сколько от его места в системе внутри- и межгрупповых отношений, а также его собственной межличностной компетенции.

В дошкольном и младшем школьном возрасте дети, как правило, не любят и избегают агрессивных сверстников, тем самым сдерживая их агрессивность. Напротив, у младших подростков более сильные и агрессивные мальчики нередко становятся лидерами своих возрастных групп, а позже, поскольку эти черты ассоциируются с маскулинностью, приобретают популярность и у девочек. Это способствует возникновению специфической подростковой культуры насилия, причем за повышенной агрессивностью мальчиков часто стоят неблагоприятные социальные условия развития (бедность, напряженные отношения в родительской семье, авторитарное воспитание и телесные наказания). Высокая поисковая активность и соревновательность мальчиков способствуют развитию любви к риску и острым ощущениям. Эта черта является одновременно индивидуально-личностной и гендерно-возрастной. В подростковом возрасте она становится для мальчиков социально-нормативной и сильнее всего проявляется в ситуациях группового общения со сверстниками, что благоприятствует возникновению культа и культуры риска.

Психофизиологические и социальные особенности мальчиков сказываются на состоянии их психического здоровья. Хотя мальчики и девочки не имеют в этом отношении абсолютных преимуществ друг перед другом, у них есть специфические факторы риска. Характерные трудности мальчиков отражены в таких психиатрических диагнозах как синдром дефицита внимания и гиперактивности, дислексия, алекситимия и расстройства поведения. Выраженную гендерную специфику имеют также эмоциональные расстройства, тревожность, депрессия и суицидальность. Мальчики –

группа повышенного риска по табакокурению, алкоголизму и наркозависимости. Все типичные формы мальчикового (не)здоровья имеют под собой какие-то природные, биологические основы, но также тесно связаны с особенностями мальчишеской культуры. Одним из отрицательных факторов является гегемонная маскулинность, которая абсолютизирует различия мужского и женского, предписывает мальчикам заведомо нереалистические нормы поведения и препятствует осознанию и вербализации чувств и переживаний, от которых существенно зависит их здоровье и благополучие.

Сексуальные переживания, мотивы и ценности мальчика в целом подчинены законам полового диморфизма и определяются соответствующими эволюционными универсалиями, однако формы протекания и конкретные результаты психосексуального развития зависят от принятой в обществе системы социализации. Основу традиционной гендерной социализации составляют альтернативные сексуальные стратегии, закрепляющие сегрегацию мальчиков и девочек и ориентирующие мальчиков в духе гегемонной маскулинности. По мере роста гендерного равенства в культуре и обществе эта система социализации становится все менее эффективной, делая многие прежние запреты проблематичными. Отделение сексуальности от репродукции, снижение возраста сексуального дебюта, ослабление гендерной поляризации сексуального поведения, нормализация нерепродуктивной сексуальности и гомосексуальности – все это ставит общество перед сложными социально-педагогическими проблемами, делая “сексуальное образование” глобальной задачей цивилизации XXI в., которую в России катастрофически недооценивают. Все показатели сексуального здоровья, безопасности и субъективного сексуального благополучия у российских мальчиков значительно хуже, чем у их западноевропейских ровесников.

Развитие самосознания у мальчиков и девочек до начала пубертата протекает в целом более или менее одинаково, индивидуальные различия заметно перевешивают половые, но девочки лучше вербализуют соответствующие процессы, что существенно облегчает им коммуникацию и самораскрытие. Мальчики, ориентирующиеся на канон гегемонной маскулинности, испытывают в этом отношении значительные трудности. Общее самоуважение у мальчиков, как правило, выше, чем у девочек, но его индикаторы недостаточно определены, а благотворная для мальчиков повышенная уверенность в себе часто превращается в опасную для них самоуверенность. Высокие самооценки мальчиков отлично вписываются в нормативный канон маскулинности, но завышенный уровень притязаний и неопределенность его критериев сплошь и рядом приводят к разочарованиям, которых мальчики-подростки и юноши не в состоянии вербализовать.

Оборотная сторона гегемонной маскулинности – синдром самозванца: мальчик думает, что не соответствует нормативным ожиданиям, это делает его бытие тревожным и “неподлинным”, снижая удовлетворенность жизнью. Это особенно опасно в периоды социальных кризисов и кризисов индивидуального развития. В результате формируются две группы риска: 1) мальчики из бедных и необразованных семей, которым с детства близок “силовой” канон маскулинности, но которые в ходе развития постепенно обнаруживают, что следование ему не только не обеспечивает ожидаемого социального успеха в мире взрослых, но и часто оборачивается против них; 2) наиболее интеллектуально и художественно одаренные мальчики, индивидуальность которых не вписывается в жесткий канон бесструктурного монолита, создавая трудности в отношениях с ровесниками.

Гендерная сегрегация и гомосоциальность формируют у мальчиков сильное чувство товарищества, принадлежности к группе, когда индивидуальное Я как бы растворяется в коллективном Мы. Все формальные и неформальные мальчишеские группы строятся иерархически, имеют свою социально-ролевую структуру, дисциплину и вертикаль власти. Однако эти структуры не монолитны, межгрупповые и внутригрупповые конфликты всегда оставляют зазор для формирования индивидуальности, а ис-

ключительное “мужское товарищество” (Мы) дополняется такой же исключительной “мужской дружбой” (Я + Я). Хотя коммуникативные свойства мальчиков и девочек развиваются по одной и той же траектории, девочки существенно опережают своих ровесников по формированию потребности и способности к самораскрытию. Отсюда – неодинаковые гендерно-возрастные акценты в определении ценностных критериев дружбы – “взаимопомощь” у мальчиков и “понимание” у девочек, ослабевающие лишь к концу юношеского возраста, когда мальчики осваивают более тонкие и сложные формы межличностной коммуникации.

Ломка привычного гендерного порядка и связанное с нею ослабление поляризации маскулинности и фемининности разворачивается и в школе. Споры о том, кому – мальчикам или девочкам? – благоприятствует современная школа, представляются социологически некорректными, в них не уточнены ни сферы и критерии благоприятствования (учебная успеваемость, общение, субъективное благополучие), ни субъекты, с позиций которых производится оценка (общество, государство, родители, учителя или дети разного пола и возраста).

Хотя по академической успеваемости, девочки везде и всюду заметно опережают мальчиков, это происходит не за счет мальчиков, учебные показатели которых в большинстве развитых стран (но, к сожалению, не в России) также улучшаются, а просто потому, что девочки учатся лучше. С каждым следующим поколением доля девочек с полным средним и университетским образованием становится выше, чем доля мальчиков. Тем не менее разница по гендерно-сензитивным предметам (математические и технические дисциплины, где мальчики традиционно опережают девочек, и язык и литература, где они традиционно сильно отстают) всюду сохраняется. Ученые объясняют это по-разному, но за направленностью интересов и мотивационными различиями всегда стоят социально-экономические факторы.

Отставание от девочек по учебной успеваемости подрывает привычный образ мужского превосходства, что затрагивает болезненное самолюбие мальчиков и отворачивает некоторых из них от школы, толкая их на путь девиантного и противоправного поведения. Эти проблемы тесно связаны с социально-структурными и этнокультурными различиями. Для мальчиков главный, стержневой процесс школьной, как и всей прочей, жизни – выстраивание собственной маскулинности, причем у многих из них, особенно выходцев из низших слоев, учеба занимает подчиненное место, а старательность даже считается отрицательным качеством. Отсюда – более критическое, чем у девочек, отношение к школе и учителям, и связанное с этим большее количество дисциплинарных конфликтов.

Одна из сложнейших проблем, не имеющая ни теоретического, ни практического решения, – феминизация школы и вообще всей образовательной системы. Воспитание и обучение мальчиков всегда и всюду считалось преимущественно, а то и исключительно мужским занятием, эта установка имеет как биолого-эволюционные, так и социокультурные (гендерное разделение труда) предпосылки. Ослабление отцовского начала в семье и феминизация всех институтов воспитания и обучения детей делает проблему дефицита мужского влияния еще более острой. Однако к возвращению в школу мужчины-воспитателя современное общество ни экономически, ни психологически не готово. Все призывы и декларации блокируются низкой оплатой педагогического труда, с которой мужчина не может согласиться (для женщин эта роль традиционна и потому хотя бы неунизительна); гендерными стереотипами и идеологической подозрительностью; родительской ревностью; сексофобией и гомофобией, благодаря которым интерес мужчины к детям автоматически вызывает подозрения в педофилии или гомосексуальности. Роль мужчин во внешкольной педагогике (спортивные занятия и т.д.) также выглядит проблематичной: в мужчинах нуждаются, но одновременно им не доверяют, а единственная востребованная ролевая модель – молодой мачо.

Другая проблема, которая уже 20 лет находится в центре внимания мирового психолого-педагогического сообщества, за исключением России, – школьное насилие, буллинг (травля) и хейзинг (дедовщина). Силовые отношения и их ритуализация в какой-то степени присутствуют во всех закрытых разновозрастных мужских сообществах, их часто описывают по аналогии с древними обрядами перехода и инициации. Однако здесь имеет место множество социокультурных и психологических вариаций, знание которых позволяет существенно снизить распространенность буллинга, сделать его менее жестоким и смягчить его наиболее опасные психологические последствия.

Не имеет однозначного решения и оживленно дебатированный вопрос о плюсах и минусах совместного (разнополого) и раздельного (однополого) обучения. Люди, которые одинаково плохо знакомы с психологией и историей образования, считают решающим доводом в пользу раздельного обучения различие мужских и женских способностей. Оставляя в стороне крайнюю сложность самой проблемы способностей, ни одна система образования в мире никогда не строилась на этом основании. Все спонтанные, “естественные” сообщества и группировки детей от 4–5 до 14–16 лет, а то и позже, были, как правило, однополыми; общества и культуры лишь закрепляли и легитимировали спонтанную сегрегацию. Что же касается школы как института, то первоначально она была создана исключительно для мальчиков, чтобы подготовить их к внесемейной деятельности, к которой девочки не допускались. Внесемейное женское образование – продукт Нового времени, и оно было исключительно однополым. Выравнивание содержания мужского и женского образования, а затем и совместное обучение стали возможны лишь после того, как женщины получили доступ к традиционно мужским профессиям и достигли в них немалых успехов. Смешанное обучение расширяет диапазон совместной деятельности мальчиков и девочек, сближает их интересы и облегчает индивидуальный выбор занятий, безотносительно к гендерным стереотипам. В то же время оно противоречит тенденции спонтанной сегрегации мальчиков и девочек, осложняет работу учителей и создает психологические трудности в освоении детьми некоторых гендерно-сензитивных предметов.

Современные мальчики-подростки, как и их предшественники, значительную часть своего времени проводят вне семьи и школы, прежде всего – в различных мальчишеских сообществах. Эта сфера их жизни слабо подконтрольна или вовсе неподконтрольна взрослым и рассматривается как сфера социально-педагогического риска. Родовая особенность мальчиков-подростков – тяготение к экстремизму, склонность разрешать социальные проблемы упрощенно и силовыми методами. Это обусловлено, с одной стороны, имманентной мальчишеской агрессивностью, а с другой – внутригрупповым соперничеством, когда выгодно казаться крутым. Мальчики гораздо чаще своих ровесниц выбирают радикальные идеологии и упрощенные, силовые решения, чаще вовлекаются в деятельность различных экстремистских организаций и т.д. С возрастом эта тенденция, по-видимому, ослабевает, но она может иметь серьезные личные и социально-политические последствия. Чтобы избежать этого, мальчиков нужно специально тренировать на толерантность, учить вести переговоры и принимать согласованные решения.

Важное место в ценностной системе мальчишества занимают физическая культура и спорт. Квинтэссенция идеологии спорта – соревновательность, преодоление себя ценой предельного напряжения сил и дух команды – это базовые ценности маскулинности, к которым сознательно или бессознательно стремится почти каждый мальчик. Хотя ослабление гендерной поляризации проявляется и в сфере детско-юношеского спорта, мальчики придают этой сфере жизни значительно больше значения, а главным мотивом занятия физкультурой для мальчиков является конструирование маскулинности.

Особенно важен силовой и соревновательный спорт, который отвлекает подростков с улицы, включает их в новые социальные связи и виды деятельности, позволяет разрядить потенциальную внутреннюю агрессивность, учит подчиняться дисциплине и т.д. Но хотя организованный спорт не допускает проявлений агрессии на своей собственной территории, многие вполне благополучные и уважаемые в своих спортивных коллективах мальчики и юноши проявляют повышенную агрессивность «на стороне». Соревновательный силовой спорт, если руководство им оказывается в неподходящих руках, зачастую выполняет деструктивные функции, расширяя диапазон приемлемости агрессии и насилия, вплоть до превращения военно-спортивных клубов в криминальные сообщества.

Короче говоря, междисциплинарное изучение мальчишества – важный компонент понимания исторической динамики маскулинности и необходимая предпосылка эффективной социализации детей и молодежи.

При всех сложностях и противоречиях нашего мира, я не склонен смотреть на глобальные перспективы мужского рода пессимистически. Думаю, что современный мужчина, как и его предки, обладает достаточными адаптивными способностями, чтобы справиться с социальными вызовами эпохи. Однако для этого ему необходимо:

а) считаться с новыми социальными реалиями; б) не равняться на один-единственный, заведомо упрощенный и идеализированный образец маскулинности; в) не поддаваться традиционалистскому соблазну возможности возвращения к давно прошедшему, а точнее – воображаемому историческому прошлому.

Так называемый «кризис маскулинности» – это прежде всего кризис привычного гендерного порядка и освящающей его идеологии, которая перестала соответствовать изменившимся социально-экономическим условиям. По всем трем главным макро-социальным осям – общественное разделение труда, политическая власть и брачно-семейные отношения – социально-ролевые различия между мужчинами и женщинами резко уменьшились.

В глобальной эволюционной перспективе гендерная деполаризация связана с уменьшением требований к мужской физической силе (в добывании пищи и повседневной защите семьи) и физических требований к женщинам, связанным с беременностью, лактацией и выхаживанием младенцев. Фактически же процесс гораздо сложнее и многограннее. Его степень, темпы и глубина крайне неравномерны а) в разных странах; б) в разных социально-экономических слоях; в) в разных социально-возрастных группах; г) среди разных типов мужчин.

Протестная маскулинность

Результаты многочисленных массовых опросов и иных социологических исследований в странах Западной Европы показывают, что ни единого мужского стиля жизни, ни единого канона маскулинности сегодня не существует. Несмотря на противоречивость своих ценностей и взглядов, западноевропейские мужчины во все большей степени ориентируются на принцип гендерного равенства. И хотя для многих этот выбор – вынужденный, а некоторые проблемы остаются спорными и готовых решений не имеют, какой-либо ущербности своего гендерного статуса мужчины не ощущают. Тем более, что по многим существенным параметрам он все еще остается привилегированным.

В России число исследований и количество надежных эмпирических данных значительно меньше, тем не менее сравнение результатов массовых опросов общественного мнения, качественных гендерных исследований и представленных в российских СМИ образов маскулинности показывает, что направление трансформации маскулинности и связанные с нею проблемы здесь принципиально те же, что в странах Запада. Однако российское гендерное сознание, как мужское, так и женское, значительно более

консервативно: принцип гендерного равенства оно чаще принимает на словах, чем на деле; расхождение мужских и женских социальных ожиданий и предъявляемых друг другу требований здесь больше, чем на Западе; системное недопонимание социального характера гендерных проблем сочетается с сильной переоценкой возможностей государственной власти в их решении. В ходе социальных трансформаций последних двух десятилетий в российском каноне маскулинности сформировались две противоположные тенденции: с одной стороны, признание своей мужской несостоятельности (“несостоявшаяся маскулинность”, выученная беспомощность и т.д.), а с другой – усиление агрессивной маскулинной идеологии, чему способствует идеализация исторического прошлого и поддерживаемое в обществе состояние моральной паники. Это создает российским мужчинам дополнительные социально-психологические трудности, в долгосрочной исторической перспективе ни у России, ни у “мужского сословия” свободы выбора нет.

Как эти сдвиги сказываются на индивидуальных свойствах? Половые различия или сходства?

В сфере *когнитивных процессов* мужчины существенно опережают женщин по ряду пространственных способностей, тогда как женщины имеют преимущества в вербальной сфере. Но по большинству способностей гендерные различия статистически невелики, в принципе мужчины и женщины могут одинаково успешно заниматься любой деятельностью. Кроме того, способности и одаренность тесно связаны с мотивацией, которая зависит от социальных условий и воспитания. Наиболее выраженные и исторически стабильные, несмотря на все социальные сдвиги, различия между мужчинами и женщинами наблюдаются в выборе занятий и направленности интересов. Современные мужчины, как и прежде, имеют более “вещные”, технические интересы и хобби, тогда как женщин больше волнуют человеческие отношения. Это проявляется и в профессиональном разделении труда. Однако по мере ослабления гендерной сегрегации в труде и общественной жизни мужчинам и женщинам приходится существенно обогащать свой когнитивный и коммуникативный арсенал, заимствуя или формируя черты и свойства, которые еще недавно считались исключительной привилегией (или недостатком) противоположного пола.

В сфере *эмоций* половые различия кажутся более выраженными, но эти реакции тесно связаны с языком и гендерными особенностями эмоциональной культуры (как и какие именно чувства мужчинам положено или не положено проявлять). Повышенная агрессивность и соревновательность мужчин – одна из самых заметных и устойчивых транскультурных и кроссвидовых констант маскулинности, обусловлена гормонально, но и тут приходится говорить не столько о количественных, сколько о качественных различиях. Проявление агрессии – не просто эмоциональная разрядка, а определенная поведенческая стратегия. Сравнительное изучение агрессивного поведения человека и приматов выявило наличие сложного взаимодействия целой совокупности межгрупповых, внутригрупповых и индивидуальных факторов. Сближение характера деятельности и мотивации мужчин и женщин не отменяет природных половых различий, но изменяет формы социального контроля, позволяя индивидам проявлять качества, которые раньше считались гендерно-несоответствующими.

Хотя нормативный канон маскулинности как элемент культуры не соотносится с индивидуальными свойствами, гегемонная маскулинность молчаливо подразумевает определенный психофизиологический тип. Ориентация на ценности гегемонной маскулинности ставит индивидов, обладающих и не обладающих соответствующими задатками, в неравное положение. Нормативная переориентация, связанная с пересмотром общих критериев социальной успешности, сравнительной ценности физической силы и интеллекта и т.д., благоприятствует самореализации мужчин, имеющих склонность к разным формам жизнедеятельности, способам решения конфликтов и т.п.

Самые большие биологически обусловленные различия существуют в сфере сексуальности. Несмотря на все сдвиги, принесенные сексуальной и гендерной революцией, мужская сексуальность остается значительно более экстенсивной, безличной и инструментальной, нежели женская. Однако и здесь поляризация ослабевает. Многие эмансипированные женщины успешно осваивают “мужские” сексуальные стратегии и стили поведения, тогда как мужчинам приходится учиться тонким коммуникативным навыкам и эмпатии. Подобно другим наукам о человеке, современная сексуальная медицина все больше ориентируется не столько на “пол”, сколько на индивидуальность своих клиентов и пациентов.

Все личностные психологические проблемы замыкаются на самоуважении. По большинству критериев, как частные самооценки, так и общее, глобальное самоуважение у мужчин выше, чем у женщин, это дает мужчинам определенные социальные преимущества. Но полезная уверенность в себе часто оборачивается у мужчин необоснованной самоуверенностью, а то и просто средством психологической самозащиты. Чем сложнее и рискованнее мир, в котором мы живем, тем больше издержки такой ориентации. Ставя перед собой заведомо неосуществимые задачи – гегемонная маскулинность обязывает его быть первым везде и во всем – мужчина сплошь и рядом терпит поражение, в результате чего ощущает свою маскулинность несостоявшейся и ищет выход в пьянстве, самоубийстве или агрессии.

Примечания

¹ “Мужчина в меняющемся мире”. М.: Время, 2009. 495 с. и “Мальчик – отец мужчины” М.: Время, 2009. 703 с.

² Прежде всего нужны ли нам эти иностранные термины? Некоторым авторам кажется, что “маскулинность” и “фемининность” вполне можно заменить русскими словами “мужественность” и “женственность”. Однако русские слова “мужество” и “мужественность” обозначают не просто совокупность специфически “мужских”, неважно, реальных или воображаемых качеств, но и морально-психологическое свойство, одинаково желательное для обоих полов.

В том, что от этих ассоциаций уйти невозможно, я убедился еще в 1970 г., когда написал для “Литературной газеты” большую статью “Мужественные женщины? Женственные мужчины?”. В те годы советская психология была абсолютно бесполой, моя популярная статья была едва ли не первой попыткой привлечь внимание к сложной проблеме. Не желая “засорять” русский язык лишними иностранными словами, я воспользовался их русскими эквивалентами, но как только статья вышла, я понял, что совершил ошибку. “Маскулинность” – не столько “мужественность”, сколько “мужчинность”, “мужеподобие”, “мужиковатость”, ни одна женщина такую характеристику за комплимент не примет, а уж “женственный мужчина” – прямое оскорбление.

I.S. K o n. Changing Men in the Changing World

Keywords: gender order, masculinity, men’s health, hegemonic masculinity, boyhood

The article is a summary of the author’s two recent interdisciplinary books: “Man in a Changing World” and “The Boy is the Father of the Man”. Current global changes of the traditional gender order, often presented as a crisis of masculinity, cannot be described in terms of the “feminization of men” and/or the “masculinization of women”. Nor is it a historical/evolutional catastrophe. Without changing fundamental basic sex dimorphic male/female differences, the weakening of the traditional gender polarization is to go on in the contemporary world. This process is evident not only in the normative culture and division of social roles and identities, but also in the corresponding individual psychological traits and abilities. It means new social challenges for men and women and stimulates the processes of individualization and personalization. Psychological development and socialization of boys appears especially problematic and difficult today.